

Главацкая Ю.Л.

Кандидат филологических наук, доцент Херсонского государственного
университета

**ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ТЕКСТЕ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ БАСНИ**

Басня занимает третью позицию в цепочке: миф – сказка про животных – басня [7, 231], что свидетельствует о развитии мышления от мифологического до мифопоэтического. Перерождение мифа в сказку является причиной отслоения сюжета и акта повествования от ритуала, что непосредственно связано с экстралингвистическими факторами [15, 334]. Именно миф был синкретичным, т.е. в нем соединялись все воображаемые познавательные и выразительные средства: слово, текст, движение, рисунок, предметный и звуковой знак. Человек не отделял себя от природы, не противопоставлял себя растениям и животным [7, 231]. Именно образы животных стали причиной такого “способа мышления” [6, 85].

Представители *онтологического направления* [4; 7; 8; 9] считают, что зарождение жанра басни зависит от становления художественного сознания и развития поэтического мышления. В басне наблюдаются остатки антропоморфизма (отождествление активности человека с действиями богов) и первобытной силлогистики – умозаключения, закономерности отдельных явлений жизни [16, 93].

Мифические образы существенно повлияли на зарождение басни, стали ее основой, поскольку в основе мифосоздания лежит несознательно-поэтическое [13, 7]. Так, Вольтер считал, что за образами богов и мифических персонажей стоит изображение природы в целом – “живая картинка природы” [5, 256], т.е. метафора-персонификация уступает место аллегории-обобщению, которая ведет к образованию символических словесных образов [1, 20].

Развитие мифопоэтического мышления, которое проявляется в способности древнего поэта осмысливать предметы, явления и события окружающей действительности путем абстрагирования от их целостности, выделения признаков, особенностей и их соотношения между собой, свидетельствует о росте басни на почве коллективной эмоциональности, о параллелизме, который базируется на сравнении человеческой жизни и природной [12, 104]. Из двухчленного параллелизма сформировались символы, метафоры и иноязычная образность басен [17, 274]. Объектами такого сравнения стали животные путем их уподобления человеку. А.Н. Веселовский считал, что “басня является своего рода схемой, при помощи которой баснописец описывает определенные образы животных с присущими им чертами и проводит параллель с чертами характера человека” [4, 141].

Выбор системы образов в рамках *психолингвистического подхода* [6; 14] обусловлен аллегоричностью как способностью не всего сюжета басни, а отдельных ее персонажей [14, 73]. Образ животных является иллюстрацией особенностей характера человека, “маской”, которая скрывает смысл, однако путем изображения жизни животных можно сделать выводы о наличии негативных человеческих качеств [9, 427].

Следует отметить, что А.А. Потебня в своей работе “Теоретическая поэтика” сосредоточил внимание на том, что образ басни должен быть единичным – один человек, а не много людей [14, 74]. Басня как определенная модель действительности отображает эволюцию общественной мысли о том, какое место занимает человек в мире, поскольку объектом критики, объектом комизма в басне всегда остается человек [3, 82].

Целью статьи является описание лингвокогнитивного механизма формирования парадоксального образа человека в тексте англоязычной басни.

В основе парадоксального образа человека лежит парадоксальный вид художественного мышления. Под парадоксальностью понимают нарушения совместимости между устоявшимися взглядами на тот или иной порядок в обычном течении событий или явлений [11, 431]. Парадоксальное мышление базируется на намеренном столкновении онтологических свойств составляющих образа в рамках одного семантического поля [2, 212].

Парадоксальный образ человека нами выявлен в рамках пяти концептуальных полей, в текстах четырех англоязычных баснописцев эпохи Просвещения, Реализма, Модернизма и Постмодернизма. В данной статье остановимся на анализе парадоксального образа человека в тексте басни Б. Мандевилля “The Grumbling Hive: or, Knaves Turn’d Honest” [18].

Так, в эпоху Просвещения в центре внимания находится изображение несовершенства мира и человеческой природы [3, 97]. Человек концентрирует в себе “противоположные добродетели”, т.е. является воплощением порока. В то же время социализация и развитие экономических отношений позволяют определить личность как продукт социальных и экономических сил, поскольку истинная форма существования человека – частная форма труда, который приносит выгоду, экономическая деятельность, промысел и торговля [10, 66], а человек – это индивид, который создает материальные блага [10, 66].

Анализ экстралингвистических факторов и интерпретация текста басни Б. Мандевилля позволили нам реконструировать два концептуальных поля: *ЧЕЛОВЕК КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ПОРОКА* и *ЧЕЛОВЕК КАК ПРОДУКТ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИЛ*.

Концептуальное поле *ЧЕЛОВЕК КАК ПРОДУКТ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИЛ* состоит из двух подклассов: “социальные отношения” (12 концептов в 35 случаях употребления) и “экономические отношения” (3 концепта в 15 случаях употребления). Концепты БОГАТСТВО-БЕДНОСТЬ (7 употреблений), ТОРГОВЛЯ/БИЗНЕС (9 употреблений),

ЧАСТНЫЕ ДОХОДЫ/ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ (6 случаев употребления) являются самыми значимыми с позиций количества актуализаций концептов в данном концептуальном поле.

Концептуальное поле *ЧЕЛОВЕК КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ПОРОКА* является более насыщенным, поскольку охватывает 22 концепта, которые реализованы в 71 контекстуальном употреблении. Данное концептуальное поле состоит из 3 подклассов – “профессии”, “мошенники”, “негативные действия/человеческие пороки”. Доминирующими концептами являются **МОШЕННИЧЕСТВО** (15 случаев употребления) и **ОБМАН** (14 случаев употребления). Подклассы “профессии” и “мошенники” дополняют друг друга (одинаковое количество употреблений – 10), т.к. в тексте басни представители всех профессий ассоциируются с мошенниками. Адвокат, например, является персонификацией обмана: *“They (the Lawyers) kept off Hearings willfully, / To finger the retaining Fee; / And to defend a wicked Cause, / Examin’d and survey’d the Laws”* [18, 2-3]; священник ассоциируется с подхалимом: *“...Priests and all, That served at Birth, or Funeral; .../ With formal smile, and kind How d’ye, / To fawn on all the Family”* [18, 3].

Знание об общественном благе выявляется из текста басни путем анализа противоположных интересов членов общества: кто-то владеет богатством, ничего при этом не делая, другие – едва могут питаться из-за тяжелого физического труда (концептуальный оксиморон **БОГАТСТВО vs. БЕДНОСТЬ**). Общество изображено как процесс обмена, где все меняется, течет и продается. К этому процессу относится и получение взятки, и мошенничество, т.е. в обществе формируется определенная система правил, которая является результатом многочисленных возможностей использовать деньги.

Лингвокогнитивным механизмом формирования парадоксального образа человека является лингвокогнитивная процедура контрастивного картирования как проекция свойств, которые входят в состав номинативных

единиц, представленных образами мошенников, на противоположные свойства, заложенные в значении лексем, которые обозначаются образами тружеников. Указанная процедура проявляется в использовании автором сатирической иронии в функции парадоксальности, особенности которой обусловлены употреблением большого количества контрастивных стилистических приемов в макроконтексте: :“As Sharppers, Parasites, Pimps, Players, / Pick-Pockets, Coiners, Quacks, Sooth-Sayers, / And all those, that, in Enmity / With down-right Working, cunningly / Convert to their own Use the Labour / Of their good-natur’d heedless Neighbour: / These were called Knaves” [18, 2]; “And whilst these holy Drudges starv’d, / Some lazy Ones, for which they serv’d, / Indulg’d their Ease, with all the Graces / of Health and Plenty in their Faces [18, 3].

Антитеза в упомянутых выше примерах сформирована на основе столкновения номинативных единиц, в семантике которых актуализируются контрастивные признаки. Так, единицы *Knaves, down-right Working, Drudges, lazy Ones* служат основанием для выявления концептуальных схем – БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ vs. ТРУД, МОШЕННИЧЕСТВО vs. ЧЕСТНОСТЬ, БОГАТЫЙ vs. БЕДНЫЙ. Данные концептуальные схемы воплощаются в тексте басни путем противопоставления лексических единиц – антонимов, в основании которых лежит концептуальный оксиморон ЗЛО vs. ДОБРО.

Актуализацию концептуального оксиморона ЗЛО vs. ДОБРО наблюдаем в словесном поэтическом образе “*Thus every Part was full of Vice, / Yet the Whole Mass a Paradise*” [18, 5], где концепт ЗЛО сталкивается с концептом ДОБРО, т.к. в семантике слова “*vice*” заложено качество негативного, а в семантике номинативной единицы “*paradise*” – качество позитивного. Посредством контрастивного аналогового картирования порок осмысливается с двигателем торговли и промышленности, т.е. становится причиной расцвета страны: “*Thus Vice nursed Ingenuity, / Which join’d with*

Time; and Industry / Had carry'd Life's Conveniences, / It's real Pleasures, Comfort, Ease" [18, 6].

В обществе, изображенном в тексте басни Б. Мандевилля, предприниматель и работник взаимно предоставляют друг другу работу, при этом, не увеличивая благосостояния друг друга. По нашему мнению, парадоксальной является концептуальная схема ЧАСТНЫЕ ДОХОДЫ ЭТО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ. Достижение частных доходов осуществляется человеком путем обмана, роскоши и тщеславия – “трилогии пороков”, которые становятся причиной благосостояния и величия ленивого, нечестного человека в частности и общества вообще.

Таким образом, основа общества, по мнению баснописца, – это зло как главный принцип, который является мощной базой жизни и поддержкой всякой торговли и всех профессий без исключения. Зло фундаментально не только для социального благополучия, но и для существования общества, в котором обман – это база торговли, а суд – защита обмана: *“All Trades and Places knew some Cheat, / No Calling was without Deceit”* [18, 2].

Перспективным считаем описание лингвокогнитивных механизмов формирования амбивалентного и гротескного образов человека в текстах англоязычных басен различных культурно-исторических эпох.

Литература

1. Белёхова Л.И. Словесный образ в американській поезії: лінгвокогнітивний аспект: [монографія]. – М.: ООО “Звездапад”, 2004. – 376 с.
2. Белёхова Л.И. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Белёхова Лариса Іванівна. – К., 2002. – 476 с.
3. Борев Ю.Б. Эстетика. – М.: Политиздат, 1981. – 399 с.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.

5. Вольтер. Эстетика. – М.:Искусство, 1974. – 391 с.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987. – 345 с.
7. Гаспаров М.Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий). – М.: Наука, 1971. – 280 с.
8. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. – М.: Искусство, 1972. – 200 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Басня // Лекции по эстетике. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 1. – С. 420 – 427.
10. Гриб В.Р. Избранные работы. Статьи и лекции по зарубежной литературе. – М.: Гос. изд-во Художественной литературы, 1956. – 415 с.
11. Кондаков И.В. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 717 с.
12. Кондильяк Этьенн Бонно де. О языке и методе / [пер. с фр. В.М. Богуславского]. – М.: КомКнига, 2006. – 175 с.
13. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1995. – 407 с.
14. Потебня А.А. Теоретическая поэтика: учебн. пособ. [для студ. филол. факульт. вузов]; / [ред. А.Б. Муратов]. – М.: Издательский центр “Академия” ; Спб.: Филологический факультет СпбГУ, 2003. – 374 с.
15. Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Наука, 1969. – 168 с.
16. Селигеев С.А. Поэтика басни как философского жанра литературы в европейской и индийской литературной традиции // Учебные записки Туркменского университета. – 1964. – Выпуск 34. – С. 79 – 97.
17. Хализев В.Е. Теория литературы: [учеб. для вузов]. – М.: Высшая школа, 1999. – 396 с.
18. Mandeville B. The Grumbling Hive: or, Knaves Turn'd Honest. – 2003. – 12 p. – Режим доступа : <http://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Texts/hive.htm>.